

«Мученичество Аполлония»: обстоятельства дела и ход процесса*

Пантелеев, Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: a.panteleev@spbu.ru.

Статья посвящена анализу данных о судебном процессе над Аполлонием, произошедшем ок. 185 г. в Риме (ВНГ 149; ВНО 79). Подробно изучаются вопросы об аргументации мученика в защиту христианства и реальной аудитории его речи, стратегии сторон и преследуемых ими целей. Аполлоний и Перенний принадлежали к одному кругу римской знати; они не обязательно были друзьями, но безусловно знали друг друга. Мученик до последнего момента демонстрировал готовность достичь какого-то компромисса, который смог бы удовлетворить и его, и Перенния, но не ценой отказа от своих убеждений. Перенний, со своей стороны, требовал точного соблюдения закона, не желая вступать в теологическую или философскую дискуссию. Перенний не настроен против Аполлония: он искренне пытается убедить мученика одуматься; позиция префекта — осторожная позиция строгого, но справедливого судьи, он тоже был готов к компромиссу, но на своих условиях. Невозможность его достичь привела к резкому выступлению Аполлония и, в итоге, к смертному приговору.

Ключевые слова: Римская империя, раннее христианство, преследования, «Мученичество Аполлония», риторика.

The Martyrdom of Apollonius: The Circumstances of the Case and the Trial

Panteleev, Aleksey Dmitrievich — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History: 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: a.panteleev@spbu.ru.

The article is devoted to the analysis of the trial of Apollonius, which took place in Rome ca. 185 (BHG 149, BHO 79). The main examined questions are the arguments of the martyr in defense of Christianity and the real audience of his speech, the strategy of the Christian and Roman magistrate and the goals pursued by them. Apollonius and Perennius belonged to the Roman nobility; they weren't necessarily friends, but certainly knew each other. The martyr showed up to the last moment the readiness to reach a

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры». Эта статья является первой в серии работ, посвященных «Мученичеству Аполлония», которые мы надеемся опубликовать в 2018 г.

compromise that could satisfy both him and Perennius, but not at the cost of renouncing his convictions. Perennius, on his part, demanded exact observance of the law and he didn't wish to enter into a theological or philosophical discussion. The early one is not opposed to Apollonius: he sincerely tries to persuade the martyr to come to his senses; the prefect's position is the cautious position of a strict but fair judge, he was also ready for a compromise, but on his own terms. The impossibility of achieving it led to a sharp speech by Apollonius and, ultimately, to a death sentence.

Keywords: Roman Empire, early Christianity, persecution, «Martyrdom of Apollonius», rhetoric.

«Мученичество Аполлония» привлекает пристальное внимание исследователей с конца XIX в., когда был опубликован перевод армянской версии текста, а Г. Роскам в своей недавней работе даже назвал его «эпохальным» (epoch-making). О суде над Аполлонием и его казни нам сообщают два агиографических сочинения: греческое «Мученичество святого и всехвального апостола Аполлоса, также называемого Саккеем» (BHG 149)¹, содержащееся в *cod. Parisinus graec. 1219 (olim Colbertinus 4137)*, XI–XII вв., и армянское «Житие святого Аполлония отшельника» (ВНО 79)². По форме имеющиеся в нашем распоряжении тексты — это протоколы судебного заседания, *acta praefectoria*, подвергшиеся редакторской обработке. В греческой версии «Мученичества» святой выступает под именем Аполлоса (Ἀπολλῶς), но Евсевий Кесарийский, Иероним и армянская версия «Мученичества» называют его Аполлонием (Ἀπολλώνιος). У Евсевия в «Церковной истории» приводится несколько деталей о его жизни и процессе, неизвестных по другим источникам (Eus. HE, V, 21). Очевидно, в его распоряжении были более полные тексты актов и апологии Аполлония, отличающиеся от тех, что сохранились до нашего времени; сам он отсылает интересующихся к своему собранию древних мученичеств (V, 21, 4). Об Аполлонии пишет и Иероним Стридонский в «О знаменитых мужах» (Hier. De vir. ill., 42; 53) и в Письме к Магну (Hier. Epist., 70, 4).

¹ Sancti Apollonii Romani Acta graeca ex codice Parisino graeco 1219 // *Analecta Bollandiana*. Vol. 14. 1895. P. 286–294; мы пользовались изданием Г. Музурилло (The Acts of the Christian Martyrs / Ed. H. Musurillo. Oxford, 1972. P. 90–105). Переводы греческой версии «Мученичества» на русский были выполнены А. Г. Дунаевым (Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб., 1999. С. 394–406) и А. Д. Пантелеевым (Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Под ред. А. Д. Пантелеева. СПб., 2017. С. 193–202). Все цитаты из «Мученичества» даются в нашем переводе.

² Текст был опубликован в: *Vitae et Passiones Sanctorum*. Vol. 1. Venetiis, 1874. P. 138–143, но привлек серьезное внимание только после публикации его перевода на английский язык Ф. Конибиром в 1893 г. (Дунаев А. Г. Предисловие к Актам и Апологии св. Аполлония // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб., 1999. С. 375). Перевод на русский выполнен В. А. Арутюновой-Фиданян (Сочинения древних христианских апологетов. С. 394–406).

Споры о подлинности «Мученичества Аполлония» и соотношении его версий ведутся с конца XIX в., и в наше время он по-прежнему далек от разрешения. Мы считаем возможным присоединиться к большой группе историков и филологов, отдающих, пусть и с оговорками, приоритет греческому варианту³. Что касается подлинности, то А. Гарнак⁴ и Э. Клетте⁵ сочли текст «Мученичества» вполне аутентичным, с противоположным взглядом вскоре выступил И. Геффкен⁶. Т. Барнес в 1960-е гг. предположил, что первая, небольшая, речь Аполлония вполне может быть подлинной и восходить к оригинальному протоколу допроса мученика (Mart. Apoll., 1–10), а остальная часть «Мученичества» либо заимствована из «Апологии» Аполлония, либо является вообще свободной компиляцией общих мест апологетических сочинений⁷. Р. Фрейденбергер выступил в поддержку подлинности большей части текста⁸, Г. Музурилло утверждал, что в нашем распоряжении находится созданная в V или VI в. редакция «Мученичества», «которое даже в том виде, в каком оно было известно Евсевию, могло содержать апологетические искажения и модификации»⁹. А. Г. Дунаев приходит к выводу о том, что «в основе апологии лежат записи, источник которых (официальные или неофициальные протоколы либо письменная защита) трудно окончательно определить, но подлинность их несомненна»¹⁰. Мы полагаем, что имеющийся у нас текст может опираться и на судебные протоколы, и на запись речи Аполлония, иначе трудно объяснить некоторые особенности приведенных Аполлонием цитат из античных философов¹¹; конечно, он несет на себе печать работы позд-

³ Подробнее см.: Дунаев А. Г. Предисловие к Актам и Апологии св. Аполлония // С. 378–372.

⁴ Harnack A. Der Process des Christen Apollonius vor dem Praefectus praetorio Perennis und dem römischen Senat // Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften. 1893. Bd. 37. S. 721–746.

⁵ Klette E. T. Der Process und die Acta S. Apollonii. Leipzig, 1897.

⁶ Geffcken J. Die Acta Apollonii // Nachrichten der Göttinger Akademie. Philol.-histor. Klasse. 1904. Heft. 3. S. 262–284.

⁷ Barnes T. D. Pre-Decian Acta Martyrum // Journal of Theological Studies. Vol. 19. 1968. P. 521. Некоторые параллели «Мученичества Аполлония» и раннехристианской литературы собраны А. Г. Дунаевым с опорой на Клетте (Акты и Апология св. Аполлония / Под ред. А. Г. Дунаева. С. 414–416).

⁸ Freudenberger R. Die Überlieferung vom Martyrium des römischen Christen Apollonius // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. Bd. 60. 1969. S. 111–130.

⁹ The Acts of the Christian Martyrs. P. xxv.

¹⁰ Дунаев А. Г. Предисловие к Актам и Апологии св. Аполлония. С. 377.

¹¹ В цитате из «Государства» Платона у Аполлония встречается редкое различие, зафиксированное в античной литературе только у Лукиана (Дунаев А. Г. Примечания к Актам и Апологии св. Аполлония. С. 413–414).

нейшего редактора, который перенес действие в Малую Азию, исправил его имя на «Аполлоса» и назвал префекта Перенния «проконсулом», но как мы покажем, он не смог бы создать настолько цельную картину произошедшего на суде. Надо сказать, что едва ли не основной сложность в спорах такого рода оказывается вопрос о том, что именно называть «подлинностью» — часто многие исследователи вкладывают в это понятие свое содержание, называя «подлинными» то тексты, созданные на основании документов и свидетельств очевидцев вскоре после казни мученика, то сочинения, в какой-то степени опирающиеся на документы и рассказывающие о реальных событиях, то тексты, дошедшие до нас в состоянии, близком к первоначальному, без явных следов поздней редактур. Для какого-то упорядочивания использования терминологии не так давно С. Рончи попытался провести различие между терминами «истинность» (*authenticité*), «подлинность» (*sincérité*) и «достоверность» (*veridicité*)¹², но особой популярности эта дистинкция не приобрела. По замечанию Г. Роскама, в этом споре многие аргументы могут быть использованы *in contrarias partes* — как в поддержку подлинности текста, так в пользу его позднего составления, так что едва ли не самым разумным выходом здесь будет воздержаться от суждения¹³. Эти слова можно отнести к анализу многих ранних агиографических сочинений.

При изучении происхождения «Мученичества Аполлония» ситуация осложняется вопросом о апологии, приписываемой мученику. Евсевий говорит, что если кто-то захочет прочесть «всю апологию, обращенную к сенату, тот может ознакомиться с этим по нашему своду о древних мучениках» (Eus. HE, V, 21), Иероним утверждает, что Аполлоний написал большое сочинение, которое прочитал в сенате (*insigne volumen coniposuit, quod in senatu legit* — Hier. De vir. ill., 42), а Руфин, дополняя сведения Евсевия в латинском переводе «Церковной истории», сообщает, что Аполлоний издал свою речь после прочтения ее в сенате (*ederet scriptam*). Большие фрагменты этой апологии, если не весь ее текст, часто видят в двух развернутых речах мученика (Mart. Apoll., 4–9; 14–42). Скептически настроенные по отношению к подлинности «Мученичества» ученые, начиная с И. Геффкена, указывали на их длину как доказательство позднего происхождения сочинения — крайне маловероятно, чтобы мученику дали так долго говорить, особенно при сопоставлении с лаконичными обментами репликами в других мученичествах. Мы полагаем, что в самом факте произнесения этой речи на суде нет ничего невозможного, хотя она и отличается большим размером: надо помнить, что даже

¹² Ronchey S. Les procès-verbaux des martyres chrétiens dans les *Acta martyrum* et leur fortune // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. T. 112. 2000. P. 748.

¹³ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 2009. Bd. 52. P. 23.

если Аполлоний и не был римским сенатором, как сообщает Иероним, он был, без сомнения, образованным человеком, знакомым с платонизмом и стоицизмом, он принадлежал к тому же кругу, что его судья и слушатели, и дискуссия велась на равных. Мы точно не можем сказать, была ли она произнесена на суде в том виде, как она записана; точно так же непонятно, прочел ли Аполлоний уже готовый текст или импровизировал, а потом записал свои мысли¹⁴. Некоторые историки полагают, что оригинальным языком «Апологии» Аполлония была латынь¹⁵.

Биографические данные об Аполлонии скупы. Греческая версия называет его «александрийцем по рождению» (Ἀλεξανδρεὺς τῷ γένει. — Mart. Apoll., praef.), армянская ничего не говорит о его происхождении. Исследователи считают его александрийцем¹⁶, афинянином¹⁷ или выходцем из семьи Клавдия Аполлония в Смирне¹⁸. Блаженный Иероним называет Аполлония римским сенатором (*Romanae urbis senator* — Hier. De vir. ill., 42, 1). Если это правда, то он оказывается первым христианином из сенаторов и его обращение является ярким свидетельством роста влияния новой религии среди высших классов римского общества¹⁹, однако надежность этого свидетель-

¹⁴ Мы все-таки полагаем, что она подготовлена заранее: в пользу этого говорит использование цитат из Гераклита и Платона и ее четкая композиционная выстроенность (см. ниже). Вполне возможно, что Аполлоний мог воспользоваться платоновской «Апологией Сократа» как моделью для своей речи: на это указывает круг тем, к которым обращается мученик (*Roskam G. The Figure of Socrates in the Early Christian Acta Martyrium // Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter / Ed. J. Leemans. Leuven, 2010. P. 244–245; Пантелеев А. Д. Исторический комментарий к «Мученичеству Аполлония» // Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Под ред. А. Д. Пантелеева. СПб., 2017. С. 204–205).*

¹⁵ *Sordi M. The Christians and the Roman Empire. London; Sydney, 1983. P. 178; аргументы против этого приводит А. Г. Дунаев (Дунаев А. Г. Предисловие к Актам и Апологии св. Аполлония. С. 378–381).*

¹⁶ *Klette E. T. Der Process und die Acta S. Apollonii. S. 51.*

¹⁷ *Seeberg R. Das Martyrium des Apollonius // Neue kirchliche Zeitschrift. Bd. 4. 1893. S. 862–863.*

¹⁸ *Sordi M. Un senatore cristiano dell'età di Commodo // Epigraphica. Vol. 17. 1955. P. 110–112; Saxer V. Martyrium Apollonii Romani: analyse structurelle et problèmes d'authenticité // Rendiconti della Pontifica Accademia di Archeologia. 1982/84. Vol. 55–56. P. 294.*

¹⁹ *Eck W. Das Eindringen des Christentums in den Senatorenstand bis zu Konstantin d. Gr. // Chiron. Bd. 1. 1971. S. 381–406; Пантелеев А. Д. Христианизация римской элиты во II–III вв. // Нобилитет в истории Старой Европы / Под ред. С. Е. Федорова, А. Ю. Прокопьева. СПб., 2009. С. 14.*

ства Иеронима признается не всеми²⁰. В целом, распространение христианства в конце II в. среди выходцев из высших слоев не представляется чем-то невероятным²¹. У нас нет никаких свидетельств о принадлежности Аполлония к клиру.

Суд над Аполлоном состоялся ок. 185 г.²² Ни греческая, ни армянская версия «Мученичества» ничего не сообщают о деталях обвинения и каких-то юридических аспектах этой истории, а Евсевий говорит, что мученик был обвинен кем-то из своих рабов, который был тут же казнен за свой донос на хозяина — по приказу префекта претория Тигидия Перенния ему перебили голени (Eus. HE, V, 21)²³. Несмотря на незаконность этого доноса, — рабы не могли доносить на своих господ, — Аполлоний все же предстал перед судом, было проведено два заседания, и мученика приговорили к отсечению головы. Многое в этом процессе остается неясным. Мы до конца не можем быть уверены в основании для возбуждения дела. А. Г. Дунаев полагает, что одновременно с тем, как выяснилось незаконность доноса, поданного рабом, стало известно, что Аполлоний — христианин, и следствие «перешло из частного обвинения в иное русло, принимая характер официального государственного расследования»²⁴. Дело Аполлония слушалось в присутствии сенаторов, но роль сената в этом разбирательстве непонятна, ведь процесс вел префект претория. Существуют два возможных объяснения: или Аполлоний действительно был сенатором, как сообщает Иероним, и тогда его мог судить только сенат, или сенаторы присутствовали там не в качестве судей, а в качестве ассессоров или вообще по своей инициативе²⁵.

²⁰ Wiegels R. Die Rolle des Senats im Prozess gegen den Christen Apollonius // *Ad fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch zum fünfundsechzigsten Geburtstag* / Hrsg. von H. Heftner, K. Tomaschitz. Wien, 2004. S. 539.

²¹ Подробнее см.: *Durst M.* Christen als römische Magistrate um 200. Das Zeugnis des Kaisers Septimius Severus für Christen aus dem Senatorenstand (Tertullian, *Ad Scapulam* 4,6) // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Bd. 31. 1981. S. 91–126; *Пантелеев А. Д.* История римской матроны и ее учителя (Iust. Apol. II, 2) // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 12. 2013. С. 448–461.

²² *Erbes C.* Das Todesjahr des römischen Märtyrers Apollonius // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*. Bd. 183. 1912. S. 269–270; В. Саксер полагает, что Аполлоний был казнен 21 апреля 183 г. (*Saxer V.* L'apologie au sénat du martyr romain Apollonius // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. T. 96. 1984. P. 1037–1038).

²³ По римским законам, такие доносы были недопустимы (Dig., 48, 2, 8, 6; 48, 10, 7; 1, 12, 1, 8; Dio Cass. LXVIII, 1, 2; SHA. Pertin., 9, 10 et al.).

²⁴ *Дунаев А. Г.* Предисловие к Актам и Апологии св. Аполлония. С. 383.

²⁵ Обзор мнений о роли сената в этом процессе см. в: *Wiegels R.* Die Rolle des Senats im Prozess gegen den Christen Apollonius. S. 533–546.

Его судьей был Тигидий Перенний — историческая фигура, известная нам и по другим источникам²⁶. Перенний стал префектом претория после казни Патерна ок. 182 г. С одной стороны, «История Августов» изображает его всесильным временщиком, занимавшем исключительное положение при дворе Коммода: «Коммод... запретил докладывать себе о том, чего предварительно не выслушивал Перенний... Перенний, хорошо изучивший Коммода, нашел способ самому сделаться всесильным. Он посоветовал Коммоду предаваться наслаждениям и возложить все труды правления на него, Перенния. Коммод с радостью принял это предложение... Перенний распоряжался всем полновластно: кого хотел — убивал, очень многих грабил, не считался ни с какими законами, захваченное имущество присваивал себе... В провинциях некоторые люди, подвергшись ложным обвинениям в каком-нибудь преступлении со стороны Перенния, — причиной послужило их богатство, лишились имущества или даже были умерщвлены». Но вскоре «этот столь могущественный Перенний за то, что он во время Британской войны поставил во главе воинов лиц всаднического сословия, отстранив сенаторов, после того как легаты войска раскрыли это, был объявлен врагом и отдан на растерзание воинам» (SHA. Comm., 5–6; пер. С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура). Геродиан рисует портрет Перенния сходным образом, добавляя к списку его преступлений попытку государственного переворота, раскрытого в результате выступления неизвестного философа и неких солдат, тайно привезших отчеканенные монеты с портретом префекта (Herod., I, 8–9). С другой стороны, Дион Кассий совершенно иначе оценивает фигуру префекта претория: «Так был убит Перенний, который нисколько не заслуживал такой участи ни по своим личным качествам, ни ради пользы всей Римской империи... Что касается личных дел, то он никогда не стремился к славе или богатству, но вел самый бескорыстный и разумный образ жизни, а Коммоду и его власти он обеспечивал полную безопасность» (Dio Cass., LXXIII, 10, 1; пер. А. В. Махлаюка). Мы полагаем, что само существование этих двух традиций дает все основания полагать, что позиции Перенния при императоре не были непоколебимыми и он был в центре борьбы различных придворных группировок²⁷.

Перенний ссылается на некое «постановление сената» (τὸ δόγμα τῆς συγκλήτου), (Mart. Apoll., 13; 23) и «постановление императора Коммо-

²⁶ PIR² T 203; Howe L. L. The Pretorian Prefect from Commodus to Diocletian (A.D. 180–305). Chicago, 1942. P. 12–13, 65–66, 96–97.

²⁷ Подробный разбор возвышения и падения Перенния см. в: Bersanetti G. M. Perenne e Commodo // Athenaeum. Vol. 29. 1951. P. 151–170; Brunt P. A. The Fall of Perennis: Dio-Xiphilinus 72. 9. 2 // Classical Quarterly. Vol. 23. 1973. P. 172–177; Zimmermann M. Kaiser und Ereignis. Studien zum Geschichtswerk Herodians. München, 1999. S. 66–88; Hekster O. Commodus. An Emperor at the Crossroads. Amsterdam, 2002. P. 60–64.

да» (δόγμα Κομόδου τοῦ αὐτοκράτορος. — Mart. Apoll., 45); он раскрывает содержание «постановления сената»: «Аполлос, есть постановление сената, чтобы не было христиан (Ἀπολλῶ, τὸ δόγμα τῆς συγκλήτου ἐστὶν Χριστιανούς μὴ εἶναι. — Mart. Apoll., 23)», что имеется в виду под «постановлением Коммода», остается только догадываться. Армянская версия текста говорит только о «повелении сената»; Евсевий сообщает о некоем «древнем законе», согласно которому можно освободить лишь тех, кто раскается (Eus. HE, V, 21, 4). И. Цайллер полагал, что речь идет о совместных антихристианских мерах императора и сената²⁸. Т. Барнс, к мнению которого мы склонны присоединиться, считает, что эта фраза не относится к судебному протоколу и что здесь мы, скорее всего, имеем дело с неаккуратностью автора, у которого не было особого интереса к реальной юридической практике²⁹.

Эти споры значительно обогатили наши знания о тексте «Мученичества» и истории римского христианства во второй половине II в., но из-за концентрации внимания на этих проблемах в тени осталось собственно содержание текста — дискуссия между подсудимым и судьей. К этому сюжету в недавней работе обратился Г. Роскам, попытавшийся ответить на следующие вопросы: какие аргументы использовал мученик и почему они были отвергнуты? какова была стратегия сторон в этом процессе? какие цели они преследовали в реальности³⁰? К этому списку следует добавить еще несколько: к кому на самом деле была обращена речь Аполлония? какими знаниями в области риторики, философии и истории он обладал? как могла была воспринята слушателями — язычниками и христианами — его речь? «Мученичество Аполлония» дает нам уникальный материал для понимания восприятия христианства римской элитой и того, как мог происходить суд над высокообразованным христианином, стремившимся не столько к оправданию или снятию с себя обвинений, сколько к защите своей веры и рассказу о ней.

«Мученичество» открывается коротким прологом, принадлежащим редактору, где указывается время и место действия — провинция Азия во время гонения Коммода и имена действующих лиц — Аполлоса, «александрийца по рождению», и проконсула Перенния. Первый же вопрос префекта: «Аполлос, ты христианин?» (Ἀπολλῶ, Χριστιανὸς εἶ; — Mart. Apoll., 1) мог бы оказаться и последним, так как Аполлоний не стал записаться и открыто признал: «Да, я христианин» (Ναί, Χριστιανός εἰμι. — Mart. Apoll., 2); случаи такого рода кратких допросов нам хорошо известны (Iust. Apol. II, 2, 15–18;

²⁸ Zeiller J. Sur un passage de la Passion du martyr Apollonius // Recherches de science religieuse. Vol. 40. 1951–1952. P. 155–156.

²⁹ Barnes T. D. Legislation against the Christians // Journal of Roman Studies. Vol. 58. 1968. P. 46–47.

³⁰ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 24.

Eus. HE, V, 10; 50; Pass. Perp., 6, 4–6 et al.). Тем не менее, этого не произошло: Перенний попытался убедить Аполлония раскаяться, одуматься и поклониться удачей императора Коммода (Μετάνοησον, πεισθεῖς μοι, Ἀπολλῶ, καὶ ὁμοῖον τὴν τύχην τοῦ κυρίου ἡμῶν Κομμοῦ τοῦ αὐτοκράτορος. — Mart. Apoll., 3)³¹. Этот призыв стал отправной точкой для первой речи Аполлония, где мученик защищал христианские нравы и доказывал, что христиане — лояльные подданные императора. Каждое слово Аполлония находится на месте, здесь нет ничего лишнего; он последовательно обращается ко всем четырём составным частям призыва Перенния. Предложение раскаяться отклоняется, так как эта μετάνοια станет обращением от лучшего к худшему (Mart. Apoll., 4)³². Πεισθεῖς μοι, с которого началась речь Перенния, соответствует πιστεύσον ἡμῖν Аполлония, и в отличие от префекта, за ним стоит авторитет Божьего Слова (Λόγος τοῦ θεοῦ), а не законы земных правителей (Mart. Apoll., 5). Христианину вообще не подобает клясться, так как он всегда говорит правду, следовательно, Аполлоний не сможет поклониться удачей Коммода, но он готов доказать свою верность императору, ведь христиане его чтут и молятся о его власти (Mart. Apoll., 6)³³. Ответ Аполлония точен, хорошо структурирован и отвечает на все требования и призывы Перенния. Его речь не содержит ничего неприемлемого или дерзкого: конечно, ссылка на Божье Слово дается с христианских позиций, но здесь нет ничего нечестивого с точки зрения язычника, а отказ принести жертву основывается на учении о совпадении слова и дела, что было общим местом для многих этических учений античности. Аполлоний заявляет о безусловной лояльности христиан императору, но тут же ненавязчиво указывает, что они не считают кесаря богом: «Сам (Бог. — А. П.) назначил человека царствовать над людьми на земле» (Mart. Apoll., 6). Эта речь вполне прагматична, она демонстрирует, что мученик готов искать какой-то компромисс³⁴, который сможет удовлет-

³¹ Г. Музурилло переводит τὴν τύχην не как удачу, а как *Genius* (The Acts of the Christian Martyrs / Ed. H. Musurillo. P. 91).

³² Ср.: Iust. Apol. II, 2, 14.

³³ Подробнее о роли императорского культа при преследовании христиан см.: Millar F. The Imperial Cult and the Persecutions // Le Culte des souverains dans l'empire romain / Ed. par W. den Boer. Genève, 1973. P. 143–165; Пантелеев А. Д. Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3. С. 91–104.

³⁴ Теоретически, такой компромисс был вполне возможен, он зависел от обстоятельств и от личной позиции судьи. Тертуллиан пишет: «А сколько правителей и очень строгих и очень жестоких оставляли без внимания эти дела. Таков был Цинций Север, который в Тисдре сам дал совет, как христианам отвечать, чтобы можно было их отпустить. Таков был Веспроний Кандид, который, чтобы успокоить граждан, отпустил христианина, как человека, могущего произвести мятеж. Таков был Аспер, который

ворить и его, и Перенния, но не ценой отказа от своих убеждений. Наконец, Г. Роскам обращает внимание на деталь, ускользнувшую от внимания предшественников: Аполлоний называет префекта просто по имени — Περέννιε (Mart. Apoll., 5)³⁵. Такое обращение — большая редкость для мученичеств: этот вокатив показывает, что Аполлоний и Перенний были знакомы до суда. О том же свидетельствует и отсутствие стандартных для допроса формул, устанавливающих имя и происхождение обвиняемого: в этом не было никакой необходимости, так как участники процесса знали друг друга (конечно, в протоколах эта информация содержалась, но задавать вслух вопросы об имени и прочем не было никакой нужды)³⁶.

Реакция Перенния на выступление Аполлония была проста: «Сделай то, что я тебе говорю, и раскайся, соверши жертву богам и образу самодержца Коммода» (Mart. Apoll., 7). Префект не собирался вступать в дискуссию о клятвах или особенностях христианского богопочитания, он хотел добиться выполнения закона, поэтому, поняв, что мученик не собирается клясться удачей императора, предложил другой вариант. Аполлоний, услышав предложение Перенния, улыбнулся (μεῖδιᾶσας. — Mart. Apoll., 8). Это было не проявлением радости от осознания скорой смерти и обретения мученического венца, что мы видим, например, в «Мученичестве Карпа, Папила и Агатоники»³⁷. Эта улыбка свидетельствовала о том, что процесс шел так, как и планировал мученик. Подобная улыбка в то время часто встречается при описании дискуссий языческих мыслителей, где она демонстрирует интеллектуальное превосходство зрелого философа или учителя. Аполлоний, как и в первый раз, ответил на предложение Перенния хорошо продуманной и структурированной речью, где требования префекта были переосмыслены в христианском духе. Мученик говорит о том, что христиане приносят жертвы Богу своими молитвами, в которых молятся «о бестелесных и разумных образах, поставленных промыслом Божиим царствовать на земле» (Mart. Apoll., 8). По сути, он предлагает свою интерпре-

человека отпавшего тотчас после немногих мучений, не принудил приносить жертвы и заявил в присутствии адвокатов и судей, что он сожалеет о том, что попал в это дело. Также Пудент отпустил присланного к нему христианина, узнав из обвинения корыстность доноса. Разорвав обвинение, он сказал, что он согласно закону никого не будет слушать без обвинителя» (Ad Scap., 4).

³⁵ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 25–26.

³⁶ В. Саксер полагает, что префект знал имя обвиняемого из материалов предварительного следствия (Saxer V. Martyrium Apollonii Romani. P. 288). Однако, это предположение не объясняет обращение Аполлония к Переннию по имени.

³⁷ «После этого пригвоздили к столбу Карпа, а он улыбался (προσμεῖδιᾶσεν). Стоявшие рядом, изумляясь, сказали ему: "Из-за чего ты так веселишься?" Блаженный ответил: "Я увидел славу Господа и обрадовался; в то же время я избавился от вас и не буду сопричастен к вашим злодеяниям"» (Mart. Carpi gr., 38–39).

тацию требований, говоря о том, что христиане по-своему приносят жертвы Коммоду. Его обращение к темам монотеизма, бескровной жертвы и императора как своего рода λόγος ἑμψυχός создает почву для дальнейшего диалога: такая интерпретация христианства имела бы хорошие шансы сделать его приемлемым для римских философов и политиков. Аполлоний не отказывается от поиска компромисса, но Перенний снова не пожелал вступать в детальное обсуждение этого вопроса. Однако его нежелание дискутировать с Аполлонием не означает предвзятости или антипатии к мученику, он настроен вполне доброжелательно, поэтому не выносит сразу приговор, хотя и мог бы с легкостью это сделать, а дает ему день на размышления.

Второе слушание состоялось не через день, а через три. Мы не знаем о причине этой задержки: возможно, помешали *dies nefasti*³⁸, возможно, у префекта нашлись более важные дела, чем суд над христианином. За ходом суда наблюдало много зрителей: «Было же много сенаторов, членов совета и великих мудрецов» (ἦν δὲ πολὺ πλῆθος συγκλητικῶν καὶ βουλευτικῶν καὶ σοφῶν μεγάλων. — Mart. Apoll., 11). Отношение Перенния к делу не изменилось: он по-прежнему был не намерен вступать в философские или теологические дискуссии и настаивает на исполнении закона, на это указывает и вопрос, с которого он начинает беседу: «Что ты решил о себе, Аполлос?» (Mart. Apoll., 11). Аполлоний в ответ заявил, что предпочел остаться благочестивым (μένειν με θεοσεβῆ), как и было уже записано в актах (Mart. Apoll., 12). Обратим внимание на то, что здесь, в отличие от первого дня, он не спешит называть себя христианином: в его планы не входило завершать слушание так быстро (имя Христа Аполлоний произнесет лишь после того, как окончательно стала ясна невозможность компромисса — Mart. Apoll., 36). Мученик подготовил речь в защиту своей веры, и пока он не прочел ее, не собиравшись давать префекту возможность сказать: «Итак, Аполлоний признал себя христианином». Здесь мы не согласны с Г. Роскамом, который говорит о том, что только вмешательство судьи не дало судебному разбирательству остановиться в самом начале.

Он называет себя «благочестивым» не просто так: θεοσεβεία / εὐσεβεία (*pietas*) была одной из основных добродетелей античного мира, и особенно велико ее значение было в Риме³⁹. Термин *pietas* означал как правильное по-

³⁸ Процесс происходил в середине апреля (мученик был казнен 21 числа — Mart. Apoll., 47). С 12 по 19 апреля в Риме проходили Цереалии — праздничные игры в честь Цереры, 21 апреля, в день казни Аполлония, отмечались Парилии и день основания Рима. В этот период какие-то судебные действия могли предприниматься 13, 15, 19 и 21 апреля, остальные дни были *dies nefasti*.

³⁹ См. подробнее об этом понятии: *Wagenvoort H. Pietas. Selected Studies in Roman Religion*. Leiden, 1980. P. 1–20; *Rüpke J. From Jupiter to Christ. On the History of Religion*

ведение по отношению к богам, так и правильные отношения с родителями, друзьями или согражданами: «Благочестие — это справедливость в отношении богов» (*Pietas iustitia adversum deos.* — Cic. *De nat. deor.*, I, 116). Это понятие было противоположно «суеверию» (*δεισιδαιμονία*, *superstitio*) и описывало правильное богопочитание, входя в триаду *religio — pietas — sanctitas*⁴⁰; Аполлоний, таким образом, отводил обычное обвинение язычников в адрес христиан в принадлежности к «новому нелепому суеверию» и демонстрировал, что его вера — это «правильная» религия⁴¹. С другой стороны, он, как мы увидим, не собирается ставить на одну доску христианство и римскую религию, ограничившись использованием только ключевых понятий римской системы ценностей, которые должны были произвести благоприятное впечатление на всю его аудиторию, и язычников, и христиан.

Перенний в ответ на это снова предлагает Аполлонию передумать: «В соответствии с решением сената советую тебе раскаяться и почитать богов, и поклониться им, которых все мы, люди, почитаем и поклоняемся им, и жить вместе с нами» (*Mart. Apoll.*, 13)⁴². Здесь в его призыве появляются три новых элемента. Во-первых, префект упоминает о постановлении сената, тем самым подчеркнув правовой аспект дела, во-вторых, указывается на последствия согласия Аполлония почитать богов: он останется жить (*ζῆν σε*), что явно намекает на возможность и иного исхода, в-третьих, словами «с нами» (*μεθ' ἡμῶν*) подчеркивается социальный аспект: Перенний противопоставляет себя и свое окружение, людей высокого положения, христианам.

На этот призыв префекта Аполлоний ответил самой большой из своих речей. Мученик заявил, что ему известно о постановлении сената, но он «стал благочестивым», чтобы не почитать рукотворных идолов (*ἐγγενόμην δὲ θεοσεβῆς ἵνα μὴ σέβωμαι εἰδωλὰ χειροποίητα.* — *Mart. Apoll.*, 14). Здесь на мгновение возникает тема противопоставления требований государства и

in the Roman Imperial Period. Oxford, 2011. P. 186–193; *Егоров А. Б.* Добродетели щита Августа // *Античный мир. Проблемы истории и культуры.* СПб., 1998. С. 280–293; *Шауд Д.* Религия римлян. М., 2006. С. 38–39.

⁴⁰ *Rüpke J.* 1) From Jupiter to Christ. P. 187.

⁴¹ В какой-то степени сходную проблему пришлось решать и эпикурейцам, которых тоже обвиняли в «атеизме»: Филодем Гадарский (110/100–40/35 гг. до н.э.) пишет трактат «О благочестии», в котором защищает Эпикура и эпикурейцев от обвинений в безбожии и отсутствии благочестия. Он обращается ко мнениям о богах прочих философов — от досократиков до стоика Диогена из Вавилона — и показывает, что один Эпикур обладает истинным благочестием, в то время, как все остальные философы неблагочестивы.

⁴² Подход Перенния в целом похож на то, что говорил христианам Плиний Младший (*Plin. Epist.*, X, 96); префект разве что явно не угрожает Аполлонию смертной казнью, только намекая на нее.

свободы совести, но она не получает дальнейшего развития. Как мы увидим дальше, Аполлоний старается не касаться некоторых тем, которые могли бы быть неоднозначно восприняты слушателями, и эта — одна из них: вспомним о присутствовавших на заседании сенаторах и членов совета, на которых вряд ли произвели благоприятное впечатление эти рассуждения. Он отталкивается от положения о своем благочестии и ущербности идолов, являющихся неподвижным созданием человеческих рук. Аполлоний, используя терминологию, восходящую еще к ранним стоикам, полемизирует с четырьмя типами объектов идолопоклонства⁴³. Это материя (16–19), растения (20), животные (21) и люди, обожествленные за свои деяния (22). Эти типы он расположил по возрастающей, от неживой природы к человеку, четко обозначая переход от одного к другому с помощью наречий «во-вторых», «в-третьих», «в-четвертых». Аполлоний демонстрирует изрядную эрудицию, приводя многочисленные примеры, иллюстрирующие эти типы: египтяне поклонялись тазу для омовения ног (17)⁴⁴, афиняне почитают медный бычий череп (18)⁴⁵, жители египетского Пелузия поклоняются луку и чесноку (20), а другие жители Египта — рыбе, голубю, собаке, павиану, крокодилу, быку, змею и волку (21), он ссылается на мифы о Дионисе, Геракле и Зевсе (22). Аполлоний завершает свою речь словами: «Из-за их нечестия особенно прошу меня от этого освободить» (Mart. Apoll., 22).

В этой большой речи, очевидно, восходящей к «Апологии» Аполлония, мы уже не видим каких-то попыток придти к компромиссу, как это было в первый день суда. Мученик явно отказался от этой идеи и перешел в контрнаступление, опровергая все варианты языческого идолопоклонства и приводя оскорбительные примеры: изваяния богов, по его словам, ничем не отличаются от обожженной глины и разбитых черепков (Mart. Apoll., 19), священные растения «в желудок входят и из чрева выходят» (20), а животные, которым поклоняются египтяне — это «отражения их собственных качеств» (21). Все его выступление обличает языческие религии как «грех против небес» (21). Что касается формальной стороны, то даже здесь Аполлоний старается избегать не имеющих к делу отступлений и не перегружать свою речь обили-

⁴³ Paulsen H. Erwägungen zu Acta Apollonii 14–22 // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1975. Bd. 66. S. 117–126.

⁴⁴ Фараон Амасис, незнатный по происхождению и презираемый из-за этого подданными, повелел тайно отлить статую бога из своего умывального таза, а затем, когда египтяне привыкли поклоняться ей, сообщил им об этом, присовокупив, что и с ним произошло нечто подобное, так что они должны почитать и уважать его (Hdt., II, 172). К этому же сюжету обращаются Афинагор (Leg., 26, 5) и Феофил (Ad. Aut., I, 10).

⁴⁵ Возможно, речь идет о стоящем на Акрополе быке, пожертвованном ареопагом (Paus., I, 24, 2).

ем примеров. Темы почитания и поклонения богам были заданы обращением Перенния, а те примеры, что есть, вполне уместны. Опущены оказались лишь два момента — раскаяние, о котором Аполлоний говорил в первый день и, возможно, не захотел вновь затрагивать, сочтя тему исчерпанной, и «жить вместе с нами», к чему он вернется позже.

Но, как замечает Г. Роскам, было бы ошибкой предполагать, что эти нападки на язычество означают полное изменение отношения Аполлония к происходящему и переход к «агрессивному высокомерию и жесткому упрямству»⁴⁶. На деле его атака оказывается весьма продуманной и осторожной. Прежде всего, он никак не затрагивает римские обычаи, хотя они и давали весьма значительные возможности для осмеяния (можно вспомнить хотя бы трактат Тертуллиана «К язычникам», переполненный всяческими издевательствами над религией римлян)⁴⁷. Во-вторых, он связывает свою атаку идолопоклонства с философской терминологией и вообще с философией. Конечно, ни один античный философ не отождествлял богов с их образами, они заявляли, что поклоняются только самим богам, а все, о чем говорил Аполлоний, толковалось ими символически; в I–II вв. н.э. так учили Плутарх, Максим Тирский, Дион Хризостом. Это не мешало Аполлонию воспользоваться философским дискурсом для атаки на языческую религию, и в этом контексте следует воспринимать и его ссылку на Сократа (Mart. Apoll., 19). С точки зрения Аполлония, афинский философ таким образом отвергал поклонение идолам, и христиане могут ссылаться на этот прецедент и указывать на Сократа как своего предшественника⁴⁸. Такая же осторожность проявляется Аполлонием при обсуждении «людей, обожествленных из-за <их> деяний» (22). Он ограничивается несколькими примерами, восходящими к евгемерической традиции. Затем, Аполлоний ничего не говорит об императорском культе, явно имеющем отношение к этому вопросу: обращение к нему лишь навредило бы мученику и привело к неизбежной негативной реакции префекта (у Перенния просто не оставалось бы иного выхода в этой ситуации). Аполлоний достаточно умен, чтобы понимать, когда можно быть резким и саркастичным, а когда лучше промолчать, и его речь не просто вспышка негодования из-за языческих верований, а элемент тщательно продуманной стратегии, которая опирается как на обширные познания в риторике и философии, так и на здравый смысл.

Для Перенния этой речи как будто не было, и он возвращается к тому, что уже говорил Аполлонию: «Аполлос, есть постановление сената, чтобы

⁴⁶ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 28.

⁴⁷ Hilgenfeld A. Apollonius von Rom // Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. Bd. 37. 1894. S. 87.

⁴⁸ О Сократе в «Мученичестве Аполлония» см.: Roskam G. The Figure of Socrates in the Early Christian Acta Martyrum. P. 241–256.; Пантелеев А. Д. Сократ в раннехристианской агиографии. С. 668–679.

не было христиан» (Mart. Apoll., 23)⁴⁹. Префект, возможно, с интересом выслушал страстное выступление мученика, но с точки зрения римского администратора высокого ранга Аполлоний так ничего и не сказал по сути дела⁵⁰. Перенний возвращает его от философии и истории религии к юридической стороне дела, и его позиция не оставляет мученику никакой свободы маневра. Ответ Аполлония решит, останется он жить или умрет. Что же отвечает мученик? Он говорит: «Но не может быть побеждено постановление Бога постановлением человеческим» (Ἄλλ' οὐ δύναται νικηθῆναι τὸ δόγμα τοῦ θεοῦ ὑπὸ δόγματος ἀνθρώπινου. — 24). Конечно, здесь он ссылается на новозаветную традицию от слов Иисуса «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:21) до «Должно повиноваться больше Богу, нежели человеку» (Деян 5:29). Но Аполлоний, получивший отличное образование, понимает, что Перенний услышит здесь совсем другое. Язычнику эта фраза напоминает о Сократе на суде или поведении Антигоны, которая похоронила тело брата, невзирая на прямой запрет Креонта. Антигона заявляет своему дяде:

Не знала я, что твой приказ всесилен
И что посмеет человек нарушить
Закон богов, не писанный, но прочный.
Ведь не вчера был создан тот закон
Когда явился он, никто не знает.
И, устранившись гнева человека,
Потом ответ держать перед богами
Я не хотела. Знала, что умру
И без приказа твоего, не так ли?
До срока умереть сочту я благом.

(Soph. Ant., 450–459; пер. С. Шервинского,
Н. Познякова)

А Сократ у Платона говорит: «Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее бога, чем вас» (Plato. Apol., 29d). Нужно помнить, что Сократ только что был упомянут в речи Аполлония (19), так что эта параллель не могла остаться незамеченной слушателями. Мученик, таким образом, сближает себя с Сократом, и теперь уже префекту претория предсто-

⁴⁹ Ср. слова Тертуллиана: «Жестокое постановление вы делаете, говоря: вам не позволяется быть» (dure definitis dicendo: "Non licet esse vos!". — Tert. Apol., 4, 4).

⁵⁰ В армянской версии этим словам префекта предшествует фраза «Ты много философствовал и удивил нас» (23). Э. Клетте и Г. Роскам считают эти слова вставкой христианского редактора (*Klette E. T. Der Process und die Acta S. Apollonii. S. 111; Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 29*). Мы присоединяемся к их точке зрения, так как это хорошо соответствует всему поведению Перенния во время процесса.

ит решить, станет ли он Креонтом или афинским судьей. Аполлоний почти прямым текстом сообщает, что христианская вера в итоге победит, пусть даже он и будет осужден сейчас Переннием; чем больше христиан гибнет за веру, тем больше их становится⁵¹. Все люди смертны — и императоры, и сенаторы, и нищие, и рабы, — но смерть бывает разной, и над всеми людьми после смерти будет суд, поэтому христиане каждый день умирают для удовольствий, желая жить по заповедям (25–26); при этом он цитирует Гераклита⁵². Аполлоний не грозит Переннию и не обещает, что будет отмщен; скорее, это стремление показать, что христиане следуют Божьему Слову не только в созерцательной жизни, но и на практике, и что у них ни разврата, ни других преступлений⁵³. Здесь можно увидеть продолжение переклички с античной философской традицией — еще Платон назвал философию «искусством умирать»: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью» (Plato. Phd., 64a), и позже эта мысль нашла развитие в других школах, от стоиков до эпикурейцев⁵⁴. Слова мученика: «Ведь живем ли мы, умираем ли, <все равно> принадлежим Господу. Часто могут убить дизентерия или лихорадка» (28) перекликаются с тем, что писал Сенека: «Живи так, словно завтра переедешь!.. Всегда имей в виду, что рано или поздно лишишься этого жилья» (Epist., 70, 17). Аполлоний понимает всю серьезность ситуации, но он уже для себя все решил, и его готовность умереть свидетельствует о рационально принятом решении, а не о фанатизме.

Перенний, как и раньше, не желает вступать в дискуссию: «Приняв такое решение, Аполлос, с удовольствием умрешь (ἡδέως ἀποθνῆσκεις)?» (Mart. Apoll., 29). К этому моменту стало окончательно ясно, что мученик совершенно точно не принесет жертвы и не поклянется удачей императора. Г. Роскам задается вопросом, зачем префект все еще задает вопросы, если суд по сути уже закончен⁵⁵. Не является ли это поздней редакторской вставкой? В

⁵¹ Ср. слова Тертуллиана: «Кровь христиан есть семя» (semen est sanguis Christianorum. — Tert. Apol., 50, 13).

⁵² Дунаев А. Г. Комментарий к к Актам и Апологии св. Аполлония // Сочинения древних христианских апологетов. С. 407–409.

⁵³ В это время обвинения христиан со стороны язычников в разврате и убийствах начинают исчезать (Min. Felix. Oct., 9 (ср.: 31); Theophil. Ad Autol., 3, 4; Eus. HE, V, 1, 14 et al.), но рецидивы, очевидно, встречались: еще Ориген сообщает, что в его время они отпугивали некоторых людей (Orig. C. Cels., VI, 27).

⁵⁴ Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.: СПб., 2005; Пантелеев А. Д. «Искусство умирать» в античной и христианской традиции // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции. СПб., 2016. С. 116–125.

⁵⁵ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 30; Э. Клетте полагает, что здесь мы имеем дело с попыткой Перенния спасти Аполлония,

итоге, он приходит к выводу, что это — следствие обычного любопытства Перенния: оба мужчины знают друг друга, и здесь нужно видеть не попытку изменить решение мученика, а начало подведения окончательных итогов дела.

Аполлоний отвечает на это не без риторического изящества: «С удовольствием живу, Перенний, но не боюсь смерти из-за желания жить. Ведь нет ничего ценнее жизни — жизни вечной» (30). Ἡδέως ἀποθνῆσκεις префекта здесь противопоставляется ἡδέως μὲν ζῶ; Аполлоний любит жизнь, но не земную, а вечную. И снова Перенний показывает нежелание демонстрировать понимание услышанного: «Не знаю, что ты говоришь, и не понимаю, о чем ты мне по закону⁵⁶ рассказываешь» (31). Г. Роскам говорит о том, что мы здесь имеем дело не с позой, а с искренним непониманием префекта, вызванным парадоксальным ответом Аполлония. Этот парадокс понятен в христианской перспективе, мученик пытается объяснить его судье, но его попытка безуспешна: «В этом смысле вся сцена иллюстрирует типичные трудности, с которыми язычники и христиане встречались снова и снова в своих дискуссиях, так как они придавали одним и тем же терминам разные значения»⁵⁷. Но, как нам кажется, нужно учитывать, что, во-первых, префекту претория вряд ли стоило демонстрировать знакомство с христианским учением при присутствующих зрителях, а во-вторых, он, как и раньше, не желал уклоняться от юридических моментов.

Ответ мученика на эту реплику очень резок: он дважды называет Перенния «неспособным понять» (ἀνόητος)⁵⁸ и сравнивает его со слепцом (τυφλός), который неспособен понять красоту благодати (Mart. Apoll., 32). Если до этого Аполлоний был сдержан и корректен, то поняв, что все его аргументы и предложения выработки какого-то компромисса напрасны, а Перенний не намерен вступать в содержательную дискуссию и дело решено, мученик решил эффектно закончить это противостояние. В этот момент в ход суда вмешался неназванный философ-киник, сказавший: «Аполлос, ругай себя самого. Ведь ты изрядно заблуждаешься, хотя думаешь, что говоришь темно (δοκῆς σκοτεῖνόλογος εἶναι)» (Mart. Apoll., 33). Некоторыми учеными эта реплика считается вставкой редактора «Мученичества», сделанной для того, чтобы стать основанием для последующих заявлений Аполлония⁵⁹, но вряд ли это так: Аполлоний, от-

подсказав ему «правильный» ответ (*Klette E. T. Der Prozess und die Acta S. Apollonii. S. 85*).

⁵⁶ Что имеется в виду под этим νομικῶς ἀπαγγέλλεις, сказать сложно; возможно, «возвещаешь в соответствии с законным правом на защиту».

⁵⁷ *Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 30–31.*

⁵⁸ Это слово можно перевести и более жестко как «неразумный» или вовсе «дурак».

⁵⁹ *Geffcken J. Die Acta Apollonii. S. 274; Tibiletti C. Gli “Atti di Apollonio” e Tertulliano // Atti della Accademia delle Scienze di Torino. 1964/1965. Vol. 99. P. 322; Freudenberger R. Die Überlieferung vom Martyrium des römischen Christen Apollonius. S. 128.*

крыто напад на судью, нарушил границу дозволенного, и реакция аудитории не заставила себя ждать. Если для вмешательства со стороны раньше не было повода, то сейчас Аполлоний дал его сам. Этот киник говорит Аполлонию «ругай самого себя» (σεαυτῷ λοιδοροῦ), и это доказывает, что его выступление вызвано резкими словами мученика. Как и остальные язычники в зале, он не понял смысла слов Аполлония, и назвал его «говорящим темно». А. Г. Дунаев видит здесь «бесспорный намек на прозвище Гераклита»⁶⁰, и мы с ним полностью согласны. Нужно вспомнить, что этот философ отличался не только загадочной манерой излагать свои мысли, но и дурным характером, постоянно бранился то со своими согражданами эфесянами, то с афинянами, то с товарищами по цеху, иногда нападал и на Гомера с Архилохом (Diog. Laert., IX, 1)⁶¹, а незадолго до того сам Аполлоний процитировал слова Гераклита (Mart. Apoll., 26). Наконец, киники — частые противники верующих в раннехристианской литературе⁶².

Аполлония эти нападки не застали врасплох: «Меня научили молиться, а не ругаться. Твое же лицемерие, если ты наговоришь много пустого, свидетельствует о слепоте твоего сердца. Ведь неразумными истина считается руганью» (Mart. Apoll., 34). Это не только контратака, показывающая моральное превосходство мученика над киником, но и отсылка к знаменитым словам Антигоны: «Я рождена любить, не ненавидеть» (Οὔτοι συνέχθειν, ἀλλὰ συμφιλεῖν ἔφυν. — Soph. Ant., 523; пер. С. Шервинского, Н. Познякова)⁶³. Аполлоний снова показывает, что он образованный человек, отлично знакомый с классической культурой, пусть даже некоторые его слова могут показаться слушателям странными. Одновременно здесь снова возникают параллели с благородной героиней, как раньше мученик проводил их с Сократом. Слова же киника не темны, но вовсе пусты (явная параллель σκoteινόλογος и ἀργολογίας), и он так же неразумен и слеп, как и Перенний. Этот ответ заставляет киника замолчать.

После этой перепалки Перенний произносит очень странные слова: «И мы знаем, что Слово Бога — родитель души и тела праведников, сообщившее и научившее, что угодно Богу» (Ἰσμεν καὶ ἡμεῖς ὅτι ὁ λόγος τοῦ θεοῦ

⁶⁰ Дунаев А. Г. Комментарии к Актам и Апологии св. Аполлония // Сочинения древних христианских апологетов. С. 413.

⁶¹ Попытку А. Патена доказать философское влияние Гераклита на Аполлония назвать удачной нельзя (Patin A. Apollonius Martyr, der Skoteinologe. Ein Beitrag zu Heraklit und Euemerus // Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. 12.2. 1899. S. 147–158).

⁶² Frend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church. New York, 1967. P. 275–276; Malherbe A. J. Justin and Crescens // Christian Teaching: Studies in Honor of G. L. LeMoine / Ed. by E. Ferguson. Abilene, 1981. P. 312–327; Thorsteinsson R. M. Justin's Debate with Crescens the Stoic // Zeitschrift für Antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity. Vol. 17. 2013. P. 451–478.

⁶³ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 31.

γεννήτωρ καὶ ψυχῆς καὶ σώματός ἐστιν τῶν δικαίων, ὁ λογώσας καὶ διδάσας ὡς φίλον ἐστὶν τῷ θεῷ. — Mart. Apoll., 35). Подлинность данного пассажа часто подвергалась сомнению, и А. Г. Дунаев полагает, что скорее всего, здесь слова Аполлония оказались вложены в уста Перенния, ведь если даже предположить, что «проконсул» и мог что-то сказать о Логосе в рамках распространенных тогда философских учений, то данная формулировка в его устах точно невозможна⁶⁴. Тем не менее, эта фраза вполне может быть и аутентичными совами префекта (чуть позже мы вернемся к анализу этого пассажа). Если это так, то мы видим, как Перенний пытается доказать, что он не настолько «неспособен понять истину», как считает Аполлоний, и превращается из судьи в защищающегося, а Аполлоний — из обвиняемого в обвинителя. Таким образом, здесь происходит деконструкция стандартного римского допроса, где конституируется система «судья — подсудимый», и через передачу права шутить над оппонентом совершается «выворачивание наизнанку» и судебной процедуры, и самого преследования⁶⁵.

В ответ на это Аполлоний произносит большую речь, где подробно рассказывает о христианском учении о Слове Божьем (Mart. Apoll., 36–42). По его словам, Христос родился как человек в Иудее и наставил христиан вести возвышенный образ жизни: обуздывать гнев, умерять страсть, приумножать дружбу, не быть тщеславными, не мстить, а кроме того, что немаловажно в контексте этой дискуссии, почитать царя. Он учил почитать одного Бога, верить в бессмертии души, загробный суд и воскресение (37). Г. Роскам отмечает, что «интерпретация Аполлонием христианского учения в основном соответствует тому, что можно было услышать в философских школах того времени. За исключением нескольких — важнейших — элементов, о которых упоминается мимоходом, почти все может быть одобрено современным средним платоником»⁶⁶. Эти элементы давно были объектом критики со стороны язычников: это загробный суд и воскресение во плоти. Уже во время выступления апостола Павла в Ареопаге слушатели насмехались над этими положениями (Деян 17:32). Затем Аполлоний обращается к еще одной спорной в глазах язычников теме — крестной смерти Христа. Мученик рассматривает произошедшее как классический образец расправы нечестивцев и невежественных противников над праведником и философом, «ведь праведники неправедным без надобности» (Mart. Apoll., 39). Такие преследования добродетели знают и иудеи, и эллины — Аполлоний ссылается и на Ветхий Завет (Прем

⁶⁴ Дунаев А. Г. Предисловие к к Актам и Апологии св. Аполлония // Сочинения древних христианских апологетов. С. 413.

⁶⁵ Пантелеев А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. Вып. 2 (44). С. 83–84.

⁶⁶ Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. P. 32.

2:12; Ис 3:10), и на Платона (Plato. Rep., II, 5, 361e)⁶⁷. Афиняне так осудили на смерть Сократа, послушавшись сикофантов, а иудеи — пророков, возвестивших о приходе Христа⁶⁸. С помощью включения смерти Спасителя в этот контекст Аполлонию удастся избежать обсуждения не самых удобных для этого момента вопросов о божественном вочеловечивании и распятии Бога. Акцент им делается на том, что вера христиан истинна. Даже если христиане и заблуждаются, говорит мученик в конце речи, то верующие рады такой «ошибке», так как благодаря ей научились праведной жизни (Mart. Apoll., 42). Кроме параллелей этому пассажи в апологетических сочинениях первых веков («Заблуждением своим мы никому не вредим» — Athenag. Leg., 36; «Это заблуждение без особенных последствий, пока мы не изобличены ни в каком преступлении» — Iust. Apol. I, 9)⁶⁹, здесь можно увидеть в осознанную отсылку к платоновскому «Федону»: «Если то, что я утверждаю, окажется истиной, хорошо, что я держусь такого убеждения, а если для умершего нет уже ничего, я хотя бы не буду докучать присутствующим своими жалобами в эти предсмертные часы» (Plato. Phaed., 91b). Этот аргумент, который встречается и у других средних платоников, скорее всего, был в каком-то смысле топосом философских рассуждений того времени. Обращаясь к нему, Аполлоний одновременно вновь сопоставляет себя с Сократом и показывает свои познания в философии. Во время этой речи мученик вообще не обращается к Переннию, хотя раньше он это делал постоянно (Mart. Apoll., 4; 5; 8; 14; 16; 25; 30; 32). Вместо имени префекта Аполлоний впервые использует другое имя — Иисуса Христа (36). Мученик отказывается от каких бы то ни было попыток достичь компромисса с Переннием и отныне надеется только на Христа.

Префект привычно не обращает внимания на философские и теологические размышления Аполлония, хотя здесь и появляются новые аргументы, и говорит, что думал (ἐνόμιζον), что Аполлоний все-таки отступится от христианства и почитит богов (43). Мученик отвечает, что надеялся (ᾔλπιζον),

⁶⁷ Такой же набор цитат встречается и у Климента Александрийского (Clem. Alex. Strom., V, 14, 108, 2–3). См.: Benz E. Christus und Sokrates in der alten Kirche. Ein Beitrag zum altkirchlichen Verständnis des Märtyrers und des Martyriums // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. Bd. 43. 1950/1. S. 215–216; Saxer V. Le “juste crucifié” de Platon à Théodoret // Rivista di Storia e Letteratura Religiosa Firenze. Vol. 19. 1983. P. 204–206; Dassmann E. Christus und Sokrates: Zu Philosophie und Theologie bei den Kirchenvätern // Jahrbuch für Antike und Christentum. Bd. 36. 1993. S. 38.

⁶⁸ Аргумент «от пророчества» был одним из самых действенных при защите христианства в первые века. Юстин (Apol. I, 30), Афинагор (Orat., 7) и Ириней (Dem.) указывают на сбывшиеся пророчества как на неопровержимое доказательство верности учения христиан.

⁶⁹ Tibiletti G. Il Cristianesimo come “inganno” negli “Atti di Apollonio” // Aevum: rassegna di scienze storiche, linguistiche e filologiche. Vol. 41. 1967. P. 511–515.

что проконсул будет просвещен его речью и благочестивыми рассуждениями и обратится к Богу (44). Это отличие между «мнением» и «надеждой» показывает, что позиции сторон на процессе были изначально различны: у Перенния есть свое представление об истине, но оно для него не принципиально, и префект готов его изменить, если оно окажется неверным. Аполлоний, наоборот, занимает более твердую позицию: да, он готов к компромиссу, но лишь к такому, который не затронет основ его убеждений, так как его взгляды — это дело всей его жизни. Наконец, Аполлоний обращается к судье уже не по имени, а как к «проконсулу»; это означает окончательное завершение диалога между двумя знакомыми и переход к отношениям «подсудимый — судья». Остается только вынести приговор, и это незамедлительно происходит. Перенний говорит о том, что хотел бы освободить Аполлония, но это невозможно из-за эдикта Коммода (45). Аполлоний будет казнен как христианин, но префект сделал для него все, что мог, и мученик умрет быстро, без мучений. Судя по его словам, он выносит смертный приговор без особого желания, но юридические рамки не оставляют ему выбора. Последнее слово остается за Аполлонием. Он вновь называет Перенния по имени, но добавив к этому «проконсул», и благодарит его за приговор, дарующий ему спасение не в этой, а в вечной жизни (46).

Список использованной литературы

Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. 448 с.

Егоров А. Б. Добродетели щита Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 280–293.

Пантелеев А. Д. Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3. С. 91–104.

Пантелеев А. Д. Христианизация римской элиты во II–III вв. // Нобилитет в истории Старой Европы / Под ред. С. Е. Федорова, А. Ю. Прокопьева. СПб., 2009. С. 8–19.

Пантелеев А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. Вып. 2 (44). С. 75–89.

Пантелеев А. Д. История римской матроны и ее учителя (Iust. Apol. II, 2) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. 2013. С. 448–461.

Пантелеев А. Д. «Искусство умирать» в античной и христианской традиции // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции. 2016. С. 116–125.

Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / Под ред. А. Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. 384 с.

Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. 948 с.

Шайд Д. Религия римлян. М.: Новое издательство, 2006. 280 с.

Barnes T. D. Legislation against the Christians // *Journal of Roman Studies*. Vol. 58. 1968. P. 32–50.

Barnes T. D. Pre-Decian Acta Martyrum // *Journal of Theological Studies*. Vol. 19. 1968. P. 509–531.

Benz E. Christus und Sokrates in der alten Kirche. Ein Beitrag zum altkirchlichen Verständnis des Märtyrers und des Martyriums // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. Bd. 43. 1950/1. S. 195–224.

Bersanetti G. M. Perenne e Commodus // *Athenaeum*. Vol. 29. 1951. P. 151–170.

Brunt P. A. The Fall of Perennis: Dio-Xiphilinus 72. 9. 2 // *Classical Quarterly*. Vol. 23. 1973. P. 172–177.

Dassmann E. Christus und Sokrates: Zu Philosophie und Theologie bei den Kirchenvätern // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Bd. 36, 1993. S. 33–45.

Durst M. Christen als römische Magistrate um 200. Das Zeugnis des Kaisers Septimius Severus für Christen aus dem Senatorenstand (Tertullian, Ad Scapulam 4,6) // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Bd. 31. 1981. S. 91–126.

Eck W. Das Eindringen des Christentums in den Senatorenstand bis zu Konstantin d. Gr. // *Chiron*. Bd. 1. 1971. S. 381–406.

Erbes C. Das Todesjahr des römischen Märtyrers Apollonius // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*. Bd. 183. 1912. S. 269–270.

Frend W. H. C. Martyrdom and Persecution in the Early Church. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 625 p.

Freudenberger R. Die Überlieferung vom Martyrium des römischen Christen Apollonius // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. Bd. 60. 1969. S. 111–130.

Geffcken J. Die Acta Apollonii // *Nachrichten der Göttinger Akademie. Philol.-histor. Klasse*. 1904. Heft. 3. S. 262–284.

Harnack A. Der Process des Christen Apollonius vor dem Praefectus praetorio Perennis und dem römischen Senat // *Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften*. 1893. Bd. 37. S. 721–746.

Hekster O. Commodus. An Emperor at the Crossroads. Amsterdam: Uitgeverij Gieben, 2002. 280 p.

Hilgenfeld A. Apollonius von Rom // *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*. Bd. 37. 1894. S. 59–81.

Howe L. L. The Pretorian Prefect from Commodus to Diocletian (A.D. 180–305). Chicago: University of Chicago Press, 1942. 141 p.

Klette E. T. Der Process und die Acta S. Apollonii. Leipzig: J. C. Hinrichssche Buchhandlung, 1897. 136 S.

Millar F. The Imperial Cult and the Persecutions // *Le Culte des souverains dans l'empire romain* / Ed. par W. den Boer. Genève, 1973. P. 143–165.

Patin A. Apollonius Martyr, der Skoteinologe. Ein Beitrag zu Heraklit und Euemerus // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Bd. 12.2. 1899. S. 147–158.

Paulsen H. Erwägungen zu Acta Apollonii 14–22 // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. 1975. Bd. 66. S. 117–126.

Ronchey S. Les procès-verbaux des martyres chrétiens dans les *Acta martyrum* et leur fortune // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. T. 112. 2000. P. 723–752.

Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome // *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 2009. Bd. 52. P. 22–43.

Roskam G. The Figure of Socrates in the Early Christian *Acta Martyrium* // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / Ed. J. Leemans. Leuven, 2010. P. 241–256.

Rüpke J. From Jupiter to Christ. On the History of Religion in the Roman Imperial Period. Oxford: Oxford University Press, 2011. 328 p.

Sancti Apollonii Romani *Acta graeca ex codice Parisino graeco 1219* // *Analecta Bollandiana*. Vol. 14. 1895. P. 286–294

Saxer V. L'apologie au sénat du martyr romain Apollonius // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. Vol. 96. 1984. P. 1017–1038.

Saxer V. Le “juste crucifié” de Platon à Théodoret // *Rivista di Storia e Letteratura Religiosa Firenze*. Vol. 19. 1983. P. 189–215.

Saxer V. *Martyrium Apollonii Romani: analyse structurelle et problèmes d'authenticité* // *Rendiconti della Pontifica Accademia di Archeologia*. 1982/84. Vol. 55–56. P. 265–298.

Seeberg R. Das *Martyrium des Apollonius* // *Neue kirchliche Zeitschrift*. Bd. 4. 1893. S. 836–872.

Sordi M. *The Christians and the Roman Empire*. London; Sydney: Routledge, 1983. 216 p.

Sordi M. Un senatore cristiano dell'età di Commodo // *Epigraphica*. Vol. 17. 1955. P. 104–115.

The Acts of the Christian Martyrs / Ed. H. Musurillo. Oxford: Claredon Press, 1972. 378 p.

Thorsteinsson R. M. Justin's Debate with Crescens the Stoic // *Zeitschrift für Antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity*. Vol. 17. 2013. P. 451–478.

Tibiletti G. Il Cristianesimo come “inganno” negli “Atti di Apollonio” // *Aevum: rassegna di scienze storiche, linguistiche e filologiche*. Vol. 41. 1967. P. 511–515.

Wagenvoort H. *Pietas. Selected Studies in Roman Religion*. Leiden: Brill, 1980. 264 p.

Wiegels R. Die Rolle des Senats im Prozess gegen den Christen Apollonius // *Ad fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch zum fünfundsechzigsten Geburtstag* / Hrsg. von H. Heftner, K. Tomaschitz. Wien, 2004. S. 533–546.

Zeiller J. Sur un passage de la Passion du martyr Apollonius // *Recherches de science religieuse*. Vol. 40. 1951–1952. P. 153–157.

Zimmermann M. Kaiser und Ereignis. Studien zum Geschichtswerk Herodians. München: Beck, 1999. 344 S.

References

Barnes T. D. Legislation against the Christians, in *Journal of Roman Studies*. Vol. 58. 1968. P. 32–50.

Barnes T. D. Pre-Decian *Acta Martyrum*, in *Journal of Theological Studies*. Vol. 19. 1968. P. 509–531.

Benz E. Christus und Sokrates in der alten Kirche. Ein Beitrag zum altkirchlichen Verständnis des Märtyrers und des Martyriums, in *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. Bd. 43. 1950/1. S. 195–224. (in German)

Bersanetti G. M. Perenne e Commodo, in *Athenaeum*. Vol. 29. 1951. P. 151–170.

Brunt P. A. The Fall of Perennis: Dio-Xiphilinus 72. 9. 2, in *Classical Quarterly*. Vol. 23. 1973. P. 172–177.

Dassmann E. Christus und Sokrates: Zu Philosophie und Theologie bei den Kirchenvätern, in *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Vol. 36, 1993. P. 33–45. (in German).

Dunaev A. G. (ed.). *Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov* [Works of ancient Christian apologists]. St. Petersburg: Aleteyya, 1999. 948 s. (in Russian).

Durst M. Christen als römische Magistrate um 200. Das Zeugnis des Kaisers Septimius Severus für Christen aus dem Senatorenstand (Tertullian, Ad Scapulam 4,6), in *Jahrbuch für Antike und Christentum*. Vol. 31. 1981. P. 91–126. (in German).

Eck W. Das Eindringen des Christentums in den Senatorenstand bis zu Konstantin d. Gr., in *Chiron*. Vol. 1. 1971. P. 381–406. (in German).

Egorov A. B. Dobrodeteli shchita Avgusta [Virtues of the shield of Augustus], in *Antichnyy mir. Problemy istorii i kul'tury* [Ancient world. Problems of history and culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1998. P. 280–293. (in Russian).

Erbes C. Das Todesjahr des römischen Märtyrers Apollonius, in *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*. Vol. 183. 1912. P. 269–270. (in German).

Frend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 625 p.

Freudenberger R. Die Überlieferung vom Martyrium des römischen Christen Apollonius, in *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. Vol. 60. 1969. P. 111–130. (in German).

Geffcken J. Die Acta Apollonii, in *Nachrichten der Göttinger Akademie. Philol.-histor. Klasse*. 1904. Iss. 3. P. 262–284. (in German).

Hadot P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow; St. Petersburg: Stepnoy veter Publ.; Kolo Publ., 2005. 448 p. (in Russian).

Harnack A. Der Process des Christen Apollonius vor dem Praefectus praetorio Perennis und dem römischen Senat, in *Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften*. 1893. Vol. 37. P. 721–746. (in German).

Hekster O. *Commodus. An Emperor at the Crossroads*. Amsterdam: Uitgeverij Gieben, 2002. 280 p.

Hilgenfeld A. Apollonius von Rom, in *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*. Vol. 37. 1894. P. 59–81. (in German).

Howe L. L. *The Pretorian Prefect from Commodus to Diocletian (A.D. 180–305)*. Chicago: University of Chicago Press, 1942. 141 p.

Klette E. T. *Der Process und die Acta P. Apollonii*. Leipzig: J. C. Hinrichssche Buchhandlung, 1897. 136 S. (in German).

Millar F. The Imperial Cult and the Persecutions, In Boer W., den (ed). *Le Culte des souverains dans l'empire romain*. Genève, 1973. P. 143–165.

Musurillo H. (ed.). *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford: Claredon Press, 1972. 378 p.

Pantelееv A. D. (ed.). *Rannie hristianskie muchenichestva. Perevody, kommentarii issledovaniia* (Early Christian Martyr Acts). St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2017. 384 p. (in Russian).

Panteleev A. D. “Iskusstvo umirat” v antichnoy i khristianskoy traditsii [“The Art of Dying” in the Ancient and Christian Traditions], in *Universum Platonovskoy mysli: Platon i sovremennost'. Materialy XXIV nauchnoy konferentsii* [The Universum of Platonic Thought: Plato and Modernity. Materials of the XXIVth scientific conference]. St. Petersburg: RCHGA Publ., 2016. P. 116–125. (in Russian).

Panteleev A. D. Goneniya na khristian i imperatorskiy kul't po dannym agiograficheskoy traditsii [Persecution of Christians and the imperial cult according to the hagiographic tradition], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. No 3. S. 91–104. (in Russian).

Panteleev A. D. Istoriya rimskoy matrony i ee uchitelya (Iust. Apol. II, 2) [The Story of the Roman matron and her teacher (Iust., Apol. II, 2)], in *Mnemon*. Iss. 12. 2013. P. 448–461. (in Russian).

Panteleev A. D. Khristianizatsiya rimskoy elity vo II–III vv. [Christianization of the Roman elite in the II–III centuries], in Fedorov S. E., A. Yu. Prokop'ev (eds.). *Nobilitet v istorii Staroy Evropy* [Nobility in the history of Old Europe]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2009. P. 8–19. (in Russian).

Panteleev A. D. Khristianskoe muchenichestvo v kontekste rimskikh zrelishch [Christian Martyrdom in the Context of Roman Spectacles], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2014. No. 2. P. 75–89. (in Russian).

Patin A. Apollonius Martyr, der Skoteinologe. Ein Beitrag zu Heraklit und Euemerus, in *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Vol. 12.2. 1899. P. 147–158. (in German).

Paulsen H. Erwägungen zu Acta Apollonii 14–22, in *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. 1975. Vol. 66. P. 117–126. (in German).

Ronchey P. Les procès-verbaux des martyres chrétiens dans les Acta martyrum et leur fortune, in *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. Vol. 112. 2000. P. 723–752. (in French).

Roskam G. A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome, in *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 2009. Vol. 52. P. 22–43.

Roskam G. The Figure of Socrates in the Early Christian Acta Martyrium, in Leemans J. (ed.). *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter*. Leuven, 2010. P. 241–256.

Rüpke J. *From Jupiter to Christ. On the History of Religion in the Roman Imperial Period*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 328 p.

Sancti Apollonii Romani Acta graeca ex codice Parisino graeco 1219, in *Analecta Bollandiana*. Vol. 14. 1895. P. 286–294.

Saxer V. L'apologie au sénat du martyr romain Apollonius, in *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. Vol. 96. 1984. P. 1017–1038. (in French).

Saxer V. Le “juste crucifié” de Platon à Théodoret, in *Rivista di Storia e Letteratura Religiosa Firenze*. Vol. 19. 1983. P. 189–215. (in French).

Saxer V. Martyrium Apollonii Romani: analyse structurelle et problèmes d'authenticité, in *Rendiconti della Pontifica Accademia di Archeologia*. 1982/84. Vol. 55–56. P. 265–298. (in French).

Seeberg R. Das Martyrium des Apollonius, in *Neue kirchliche Zeitschrift*. Vol. 4. 1893. P. 836–872. (in German).

Shayd D. *Religiya rimlyan* [*Religion of the Romans*]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 280 p. (in Russian).

Sordi M. *The Christians and the Roman Empire*. London; Sydney: Routledge, 1983. 216 p.

Sordi M. Un senatore cristiano dell'età di Commodo, in *Epigraphica*. Vol. 17. 1955. P. 104–115. (in Italian).

Thorsteinsson R. M. Justin's Debate with Crescens the Stoic, in *Zeitschrift für Antikes Christentum / Journal of Ancient Christianity*. Vol. 17. 2013. P. 451–478.

Tibiletti G. Il Cristianesimo come “inganno” negli “Atti di Apollonio”, in *Aevum: rassegna di scienze storiche, linguistiche e filologiche*. Vol. 41. 1967. P. 511–515. (in Italian).

Wagenvoort H. *Pietas. Selected Studies in Roman Religion*. Leiden: Brill, 1980. 264 p.

Wiegels R. Die Rolle des Senats im Prozess gegen den Christen Apollonius, in Heftrner H., Tomaschitz K. (eds.). *Ad fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch zum fünfundsechzigsten Geburtstag*. Wien, 2004. P. 533–546. (in German).

Zeiller J. Sur un passage de la Passion du martyr Apollonius, in *Recherches de science religieuse*. Vol. 40. 1951–1952. P. 153–157. (in French).

Zimmermann M. *Kaiser und Ereignis. Studien zum Geschichtswerk Herodians*. München: Beck, 1999. 344 S. (in German).

